

Чехи в Москве первых пятилеток

Москва издавна привлекала внимание зарубежных славян как символ России, с которой находившиеся под властью Австрийской и Османской империй народы связывали надежды на освобождение от иноземного владычества. После поражения этих империй в Первой мировой войне и возникновения на их развалинах самостоятельных государств (1918), после Октябрьской революции 1917 г., покончившей с Россией Царской и начавшей создание России Советской, Москва становится частью формирующейся советской действительности и отношение к ней меняется. Зарубежную общественность начинают интересоваться не только (или не столько) ее старина, памятники архитектуры, разного рода достопримечательности, сколько ее новая ситуация, а именно, — чем стала для Москвы и России Октябрьская революция — «десятью днями, которые потрясли мир» (Джон Рид) и открыли путь в светлое будущее, или «днями океанными» (Иван Бунин), погрузившими Россию во тьму¹.

Заметим, что по сути дела вопрос этот снова стал актуальным в постсоветский период. До сих пор он не получил однозначного ответа ни у российских историков и политиков, ни у наших сограждан. Крайними полюсами, охватывающими диапазон ответов, были и являются: «Октябрь 1917 г. — трагедия для России», или — «Благо для России и всего человечества».

Велемир Хлебников, ярчайший представитель русских футуристов, «будетлян», в стихах от 15 октября 1921 г. писал:

*Москва, ты кто?
Чаруешь, или зачарована?
Куешь свободу,
Иль закована?
Чело какую думой морщится?
Ты — мировая заговорщица.*

*Ты, может, светлое окошко
В другие времена,
А может, опытная кошка...*
(«Москва, ты кто?»)

По мнению части зарубежной, в том числе чешской, лево-ориентированной общественности, Москва «ковала свободу», была «светлым окошком в другие времена». В Чехословакии эту уверенность подтвердили и создание в 1921 г. Коммунистической партии, и отклики на события в России в художественной литературе.

Чешские писатели разных поколений прибегают к сакрализации Октябрьской революции и того, что с ней связано, не взирая на воинственно атеистический ее характер с разрушением храмов, преследованием священнослужителей. Ярослав Сейферт (1901–1986) известие о победе Октября называет «благой вестью» (сб. «Город в слезах» — «Město v slzech», 1921), используя библейский образ «благовеста»; в его стихах читателям являются Дева Мария, Моисей, храмовый алтарь, ангельский хор. Станислав Костка Нейман (1875–1947), расшифровывая аббревиатуру РСФСР, обращается к «Российской Советской Федеративной Социалистической Республике» в жанре молитвы (Сб. «Красные песни» — «Rudé zpěvy», 1923). Поддерживая идею исторической миссии пролетариата, Йозеф Гора (1891–1945) уподобляет ребенка, родившегося в рабочей семье, в темном подвале, «чудо-младенцу», который похож на Спасителя, однако его Евангелием является борьба, а «молитвой — поступок» («Пролетарская мадонна», сб. «Трудящийся день» — «Pracující den», 1920). Религиозные образы, жившие в народном сознании и обозначавшие святость того или иного явления, стихийно формировали новую религию поклонения пролетариату.

Энтузиазм, вызванный победой в России социалистической революции и охвативший радикально настроенную часть общества только что созданной Чехословакии, объяснялся желанием, добившись национального освобождения, идти дальше по пути освобождения трудящихся от власти капитала, реализуя

вековую мечту человечества о «свободе, равенстве, братстве». Эти лозунги были начертаны еще на знамени Великой французской революции. Она снесла с лица земли Бастилию, покончила с феодально-абсолютистским строем в своей стране, открыла дорогу капитализму, но, многого добившись, завершилась контрреволюционным переворотом, потерпела в конечном итоге фиаско. Сходная судьба постигла и революционные движения 1848–1849 гг. во Франции, Германии, Австрийской империи, сменившиеся периодом реакции, укреплением позиций абсолютизма. В отличие от них Октябрьская социалистическая революция в России не была подавлена, а одержала победу, что тоже было поводом для энтузиазма. О всех противоречивых последствиях «победоносного Октября» здесь речь не идет. Важно отметить причины сугубо восторженного восприятия «левым флангом» чешского общества свершившейся русской революции, победа которой как бы гарантировала успешную реализацию ее благородных задач.

Чешская интеллигенция стала рано проявлять сочувствующий интерес к «государству рабочих и крестьян». Визиты туда отдельных лиц и целых групп, а также тех писателей, журналистов, переводчиков, инженеров, рабочих, которые какое-то время трудились в Москве или вне ее, происходят на протяжении всего межвоенного двадцатилетия, отражаясь в письмах, дневниках, очерках, воспоминаниях визитеров.

Эта статья посвящена рецепции Москвы первых пятилеток, начавшихся после НЭПа, с 1928 г., и поставивших своей задачей превращение страны аграрно-индустриальной в страну индустриальную с бесклассовым социалистическим строем. Однако интенсивное знакомство с новой Москвой, паломничество туда деятелей чешской культуры началось в первые же послереволюционные годы². Историк Иван Пфафф отмечал, что чешская культура всегда имела ярко выраженную левую ориентацию, а ее силы, в отличие от левых сил Польши, Венгрии, Румынии, были просоветскими³. Заметим, однако, что и там были просоветские силы, но в Чехословакии, отличавшейся более демократическим режимом, они были более многочисленными и действовали более активно.

«Первооткрыватель» послереволюционной Москвы Иван Ольбрахт, приехавший туда весной 1920 г., с радостью фиксирует приметы новой жизни: оживленные улицы, окна РОСТА, веселые лица прохожих. Писателю невольно помогала западная пропаганда: чем страшнее были приводимые ею факты и слухи, тем успешнее удавалось их развеять, не вникая в глубины переживавшихся страной проблем, а опираясь лишь на поверхностные уличные впечатления. «Петроград и Москва — мертвые города, как было сказано в европейских газетах»⁴, — пишет Ольбрахт и сразу же стремится убедить читателя, что они вполне живые, что на улицах полно людей, причем, не измученных голодом бедолаг, а выглядящих вполне здоровыми. «На московских улицах все хорошо одеты, людей в лохмотьях и с синими от холода губами нет»⁵. Правда, витрины продуктовых магазинов — пусты, но, убежден автор, всё будет, всё, кроме голодных детей и благополучных господ. Очерки Ивана Ольбрахта о Москве, составившие цикл «Картины современной России», представляют собой три брошюрки, издававшиеся в приложении к журналу «Червен». Первые две вышли в сентябре 1920 г., почти одновременно с возвращением их автора домой.

Большое впечатление послереволюционная Москва производит на Марию Майерову, побывавшую там летом 1924 г. для участия в V конгрессе Коминтерна. Результатом стала книга «День после революции. Что я увидела в СССР» (1925). О конгрессе автор пишет мало, всё больше о Москве — о её старых и новых приметах, Кремле и Мавзолее, о Серебряном бору и демонстрации протеста против империалистических войн, о курсах по ликвидации безграмотности и возникшей у народных масс привычке к чтению. М. Майеровой принадлежит и одно из первых признаний в любви к Москве её зарубежного гостя: «Москва... Не могу от неё оторваться. То и дело передо мной возникают всё новые и новые картины, которыми я облепила своё сердце, как служанка свой сундучок, меня преследуют виды её улиц, её борьба за новую жизнь»⁶.

Удовлетворение увиденным в советской стране испытывает уже «на подступах» к советской столице и Богумир Шмераль, видный деятель Коммунистической партии Чехословакии,

отразивший свои впечатления в книге «Правда о Советской России»⁷. Его, готового к худшему, интересовала «каждая мелочь», и он успокаивается уже при встрече в советской миссии в Ревеле (Таллине) с только что прибывшим из Москвы курьером, правда, изможденным и худым, но в добротной одежде. На вопрос: «Это вы достали в Москве? — он ответил — Да. Вы сами увидите, что у нас совсем не так плохо, как считают за границей». Порадовал автора и вполне бодрый вид персонала миссии, тоже совсем недавно приехавшего из Москвы.

Всё это относится к 1920-м годам, периоду ещё не поколебленных надежд на лучшее будущее, с которыми ассоциировалась революционная Россия. Однако именно энтузиазм первых посетителей Москвы во многом предопределил отношение к советской действительности и в грядущее десятилетие. Оптимистическая нота станет тональностью практически всех произведений, написанных чешскими писателями, политиками, деятелями культуры по следам их поездок в Страну Советов, в Москву в 1930-е годы. Это — «Впечатления об СССР» (1931) Б. Вацлавека, «Поверх пятилетки» (1931) А. Гофмейстера и Б. Фейерштейна, «Взгляд на новую землю» (1932) М. Пуймановой, «Невидимая Москва» (1935) В. Незвала, «Два города в мире» (1935) Г. Вчелички, «О советском театре и вообще» (1935) Я. Вериха и др. Авторы широко пользуются приемом сравнения, сопоставляя экономический кризис в Чехословакии со строительным бумом в СССР, а свои радужные впечатления — с теми сведениями, которые распространяет об этой стране Запад. Слухам не верили. Слишком сильны были симпатии чешских путешественников к «святой земле», слишком коротким было их пребывание там, слишком сильной была хорошо отработанная советская пропаганда, да и успехи первых пятилеток были налицо. Для иллюстрации борьбы с «враждебными слухами» приведем отрывок из диалога, который разыгрывали актеры, они же и драматурги авангардного Освобожденного театра, Иржи Восковец и Ян Верих. Некий Жорж (Восковец) спрашивает у приехавшего из Советской России Жана (Верих):

- Жорж — *Как там в России, всё вроде бы ужасно?*
- Жан — *Да, что-то страшное.*
- Жорж — *Рад, что это слышу. Голод там, да?*
- Жан — *Всё гораздо хуже, сплошная ложь, притворство. Представьте, дети здоровые, люди сытые, румяные, это чтобы показать, что у них всё в порядке.*
- Жорж — *Надо же, они, чтобы выглядеть перед иностранцами сытыми, наверное, дают людям наесться!*
- Жан — *Конечно, я был уверен, что дома они сразу же худеют. Так нет, и дома они толстые. Короче, настоящий террор.*
- Жорж — *Да, об этих надувательствах я слышал. Они, вроде, дошли до того, что не терпят безработицы, что, мол, хочешь не хочешь, работай и зарплату получай! Террор, да и только!.. и т.д.*

(Гладомор начала 1930-х годов оставался, как мы видим, авторам диалога неведом.)

В стороне от восторгов по поводу происшедшего в царской России революционного переворота и его последствий остаются представители общедемократического направления в чешской культуре: Карел и Йозеф Чапеки, прозаик Карел Полачек, писатели-католики — Ян Заградничек, Якуб Демл, Вацлав Дурих, «руралисты» (почвенники) — Франтишек Кршелина, Ян Чеп, писатели-легионеры, вставшие во время Гражданской войны в России на сторону белых, — генерал Рудольф Медек и др.

Симптомы разочарования в советской действительности начинают проявляться в 1930-е годы и в среде чешской «левицы» под влиянием открытых политических процессов против «троцкистов» и «бухаринцев», произведений Андре Жида — «Возвращение из СССР» (1936) и особенно его «Ретушей к моему возвращению из СССР» (1937). Острой критике подвергает советскую культурную политику в брошюре «Сюрреализм против течения» (1938) Карел Тейге, недавно страстный ее пропагандист. Ярослав Сейферт, воспевавший в сборнике 1921 г. «благую весть» о русской революции, пишет в 1937 г. горькие

стихи о столетии со дня гибели Пушкина, оплакивая не поэта, а людей, собравшихся возле его памятника, окруженного цепями, наводящими на мысль о кандалах, в которых, возможно, кто-то из присутствовавших в памятный день на Пушкинской площади в Москве вскоре отправится в Сибирь. Происходящее в СССР многие пока еще воспринимают не как следствие революции, а как предательство ее идеалов. Оппонировать антисоветским настроениям пытались: в работе «Анти-Жид или Оптимизм без суеверий и иллюзий» (1937) негибимый революционер С. К. Нейман (впрочем, никогда не выезжавший за пределы Чехословакии и ни разу не побывавший в СССР), Л. Фейхтвангер в книге «Москва 1937», Витезслав Незвал роппуском в 1938 г. им же созданной в 1934 г. Группы чешских сюрреалистов, якобы подрывавших критикой советской внутренней политики антифашистский фронт.

Среди чешских коммунистов было много и тех, кто, несмотря ни на что, сохранили пожизненную верность Стране Советов. Пожалуй, самой заметной, героической и трагической фигурой был Юлиус Фучик. Противоречия и трудности в жизни молодого государства он воспринимал как трудности «не упадка и застоя, а роста, размаха, движения вперед». На позиции Фучика, на его отношении к советской действительности, к Москве и на современной трактовке этих отношений хотелось бы остановиться особо (тем более откликаясь на просьбу организаторов конференции, материалы которой легли в основу этого сборника).

Юлиус Фучик (1903–1943) был настоящим романтиком, фанатиком революционного движения. Он верил в идеи социализма, был влюблен в нашу страну, в советскую литературу (в произведения И. Бабеля, Вс. Вишневского, Вс. Иванова и др.). Ему нравилось, что день его рождения в Праге в 1903 г. пришелся на 23 февраля, как и день рождения Красной армии в 1918 г. Детство и школьные годы он прожил в Пльзни. Его дядя был композитором, отец, рабочий, обладал прекрасным голосом и пел в опере. Маленьким ребенком Юлиус тоже участвовал в театральных представлениях. После окончания школы он поступил на философский факультет Пражского универ-

ситета, специализировался в области литературоведения, был любимым учеником знаменитого критика Франтишка Ксавера Шальды, который передал ему в 1928 г. свой журнал «Творба». Фучик превратил его в прокоммунистический культурно-политический еженедельник, которым руководил до 1938 г. В 1929 г. он вошел в редакцию газеты «Руде право», как репортер посещал места выступлений рабочих (страна переживала тяжелый экономический кризис), подвергался за это арестам.

Впервые Юлиус Фучик отправился в СССР в 1930 г. на четыре месяца, вместе с четырьмя рабочими, для знакомства с коммуной Интергельпо, которую чешские, словацкие, венгерские и другие переселенцы основали в 1925 г. в городе Фрунзе. По пути чехи посетили Сталинградский тракторный завод. Созданные Фучиком во время или по следам поездки репортажи составили книгу «В стране, где наше завтра стало уже вчерашним днем» — «V zemi, kde zítra znamená všera» (1932, издание в 1947). В нее вошли и первые московские впечатления, в частности, о тюрьме «Лефортово» (очерк «Убитое преступление»). «Фучик приходит в восторг от фильма об успехах первой пятилетки, который показывали заключенным, от прекрасных фотографий сложных станков, от сияния электрических ламп. Сами же заключенные, — рассказывает он, — разделяют взгляды советских органов, считающих, что тюрьмы и концлагеря создаются не для наказания, а для перевоспитания, образования и оздоровления заключенных. "Это не тюрьма, это школа", — говорит один из них. "Это не тюрьма, это лечебница", — твердит другой. Людей, осужденных за свои взгляды, происхождение, социальный статус и т. п., Фучик не касается. Его герои — "убийцы, воры, мошенники" [...] Надзиратели играют с ними в шахматы, вместе слушают радио. Советский Союз — единственное место на свете, — считает он, — где преступлений становится меньше. Он рассматривает тюрьмы как часть централизованной государственной системы коллективного труда во имя актуальных политических целей: превратить силы, затраченные на преступления, в силы, созидающие новую жизнь»⁸.

Когда это читаешь, удивляешься и доверчивости Фучика, смотрящего даже на московскую тюрьму сквозь розовые очки,

и способностям властей не ударить в грязь лицом перед иностранцами, убеждая их в на редкость «гуманной специфике» советских мест заключения.

Второй раз Фучик приезжает в Москву в августе 1934 г. на 20 месяцев в качестве корреспондента газеты «Руде право» и сразу же погружается в бурную жизнь советской столицы. Он занимается политучебой с чешскими рабочими Метростроя. «Это хорошие специалисты, все ударники, но в политическом отношении они не дотягивают до советских рабочих», — пишет Фучик жене Густине. Он собирается заняться чешским языком с детьми своих соотечественников, посещает партиячку кондитерской фабрики «Большевик», изучает ее историю, ищет героев для своего репортажа, которые «помогли бы ему показать чешским читателям жизнь пролетарской Москвы и одной из ее фабрик»⁹.

Приступая к работе и раздумывая «с чего начать», Фучик так же, как когда-то И. Ольбрахт, начинает с уличных впечатлений. Самое сильное из них — это многолюдье советской столицы. Наблюдая огромный людской поток на улицах и площадях, на проспектах и в переулках, который всё время куда-то торопится, Фучик рассматривает это как великое достоинство социалистического государства. «Куда же все спешат? Они спешат на работу. Переполненные трамваи, автобусы, троллейбусы, автомобили — всё это трудовой люд. Все заняты и торопятся потому, что работы больше, чем их самих... Строй, который занимается созиданием, не знает безработицы... Да, именно с этого и надо начинать. Именно этим, что сразу же бросается в глаза, Советский Союз отличается от капиталистических стран... В Советском Союзе 179 миллионов людей. *И ни одного безработного*», — подчеркивает эти слова курсивом Фучик в статье «Куда все спешат», написанной в Москве 14 октября 1934 г.¹⁰.

При первом визите в СССР в 1930 г. с целью посетить, как уже упоминалось, коммуну Интергельпо во Фрунзе, Фучик был покорен явными успехами переселенцев, особенно разительными на фоне экономического кризиса в ЧСР, как и в других странах капитала. В 1934 г. ситуация осложнилась. Фучик попал

в страну, когда Сталин занял ключевые позиции во власти, а в экономике, политике и культуре становился всё более ошутимым разлад между желаемым и действительным, в котором чешскому журналисту было трудно разобраться. «Фучик это понимал. В редакциях “Руде права” и “Творбы” им были недовольны, он и сам чувствовал, что переживает кризис. В письме Густине от 13 сентября того же года он пишет: “Всё время скользя по верхам, а как только собираюсь дойти до глубин, наталкиваюсь на такие сложности, что путаюсь в них [...] Если бы меня послали в Испанию, я бы там сразу понял, что к чему” [...] В некоторых письмах он признавался, что порой страдает от депрессии. В письме от 18 марта 1935 г. свое плохое настроение он объясняет “нервозностью”, нападающей на “бродягу”, когда “начинает дуть весенний ветер” [...] Но виной всему, конечно же, было его недовольство собой, когда он не мог без проблем выполнить то, что требовалось пражским товарищам»¹¹. Выход из кризиса он порой находит, отправляясь в Среднюю Азию, где перемены к лучшему сразу бросались в глаза. Однажды он уехал из Москвы, когда там предстояло какое-то выступление Сталина и от Фучика ждали материал об этом. Кстати, о вождах Советской страны он практически не писал, героями его репортажей были самые простые люди.

Все сомнения и муки творчества оставались в переписке с Густинной. В репортажах, отсылаемых в Прагу, им не было места. В них торжествовал позитив и даже жизненные неудобства трактовались в пользу советской действительности, как и упоминавшиеся толкотня и давка в московском транспорте. В новых очерках Фучик обращает внимание на рост заработной платы рабочих, сообщает, что с 1930 г., когда он впервые приехал в СССР, она выросла приблизительно на 54%, тогда как уровень жизни рабочих в капиталистических странах постоянно снижается. Ничего подобного советским трудящимся не грозит, потому что страна накапливает свои богатства ради них, а «ужасные кризисы могут возникать лишь под небом капитализма»¹². В очерке «Первая культурная часть света», датированном 25 октября 1934 г., Фучик показывает на примере подмосковной деревни Гулинки как изменилась жизнь крестьян.

Если до революции почти все жители были безграмотными, а высшее образование имели лишь сыновья местного помещика, то теперь всё по-другому. «Вчера вечером, в Москве, в редакции «Крестьянской газеты» собрались выходцы из Гулинки, всего 51 человек. Это были инженеры, врачи, профессора, ученые, агрономы, изобретатели, командиры Красной армии и студенты»¹³, — пишет он.

Во всём этом, относящемся к фасаду советской действительности, есть своя правда. Её закулисья Фучик не мог разглядеть, хотя более трезво смотрящий на вещи его друг, коммунист Иржи Вайль, работавший в Москве над переводами классиков марксизма-ленинизма, сумел ошутить и передать в своем романе «Москва—граница» (1937) атмосферу царящей в столице шпиономании, чисток партийных рядов, тревожное предвестие московских политических процессов над троцкистами и бухаринцами, состоявшимися, когда и Фучик, и Вайль уже вернулись на родину.

Очерки Ю. Фучика отличаются тенденциозностью. Он стремился к ней вполне сознательно, считая, что любая правда обязана быть тенденциозной, поскольку каждое позитивное сообщение о Советском Союзе преследует революционную цель. Сквозной темой фучиковских репортажей является процесс перемен — перемен человека, эпохи, политического режима, мыслей, поступков; переходы от исходной идеи к ее конечной реализации, от отрицательного к положительному, от плохого к хорошему, от неизвестного к познанному¹⁴.

Педалируя позитивные моменты и достоинства советской действительности, а они, бесспорно, были (индустриализация, строительство заводов и фабрик, метро, каналов, ликбез и т.д.), и ретушируя (не замечая, замалчивая или оправдывая) ее проблемы, трудности, трагедии и т.д., Фучик создает идеализированный, по сути, утопический образ советской страны, где, однако, утопическое начало было порождением не фантазии, а выстраданной мечты, которая вполне могла бы претвориться в жизнь. В применении к Фучику, как подчеркивают исследователи, надо вести речь об утопии не как о чем-то недостижимом, а о том, как «сегодняшние утопии могут стать реальностью

завтра»¹⁵. Можно сказать, что фучиковский утопизм в изображении советской действительности¹⁶ был не только стихийным следствием фучиковского мироощущения. Он возникал и как пропагандистский прием воздействия на читателя, как способ обращения его в свою, коммунистическую веру, как проявление той самой тенденциозности, к которой Фучик сознательно стремился. Иржи Вайль вспоминал, что Фучик обожал Жюль Верна и говорил, что хотел бы написать утопию о жизни, которая будет через 100 лет, и то, что жизнь эта уже идет, а люди ходят мимо и ее не замечают»¹⁷. (Можно предположить, что именно в советской действительности Фучик обнаруживал знаки реализованной утопии, ускользавшие от большинства.)

Большой писательский талант, которым обладал Фучик, способствовал тому, что тенденциозность и утопизм его текстов воплощались без патетики, не кололи глаза, а выглядели естественно и органично, подкрепляясь отбором фактов и растворяясь в лирической интонации его произведений.

Статьи и очерки 1934—1936 гг. были собраны в книгу «В стране любимой», опубликованную в 1949 г. Не одна эта книга, но и его работы об СССР в целом многое скажут не только о фасаде Советского государства, но и о самом Фучике, совмещая картины жизни с его автопортретом. И больше правды будет в последнем.

Необходимо отметить, что Фучик, как вырисовывается в современных исследованиях, вовсе не был «монолитным борцом», типом «человека из мрамора», рыцарем КПЧ без страха и упрека. «Партийной дисциплине он подчинялся, но не всегда. Когда Милена Есенска¹⁸ в 1936 г. была объявлена троцкисткой и ее прежним друзьям и товарищам по компартии рекомендовано было ее избегать, на Фучика это не подействовало, он не прервал с ней многолетних личных контактов, а она продолжала относиться к нему с доверием»¹⁹.

Вместо послесловия

Как известно, в годы протектората (фактической немецкой оккупации Чехии и Моравии) Фучик перешел на нелегальное положение. В качестве одного из трех членов второго (после ареста первого) подпольного ЦК КПЧ он отвечал за печать и

пропаганду, издавал нелегальные газеты и журналы — «Руде право», «Табор», «Трнавечек», «Дельнице новины» и др. В апреле 1942 г. он был арестован, сидел в пражской тюрьме Панкрац, весной 1943 г. писал тайком свой последний «Репортаж с петлей на шее» («Reportáž psaná na oprátce»). Длинные узкие листочки рукописи (motaky) выносил из тюрьмы сочувствующий чехам немецкий надзиратель Адольф Колинский. После войны «Репортаж...» был издан. Его же автор был казнен в Берлине, в тюрьме Plötzensee, 8 сентября 1943 г., прожив всего 40 лет.

После войны на его родине, да и в нашей стране, был настоящий культ героя-антифашиста, автора потрясающего напутствия: «Люди, я любил вас, будьте бдительны!» («Lidé, měl jsem vás rád. Vděte!»). В ЧССР, да и у нас, Фучик стал культовой фигурой, олицетворением героизма не только чешского, но и всего антифашистского сопротивления. Но еще в ЧССР нашлись читатели, усомнившиеся в подлинности «Репортажа» и героизме его автора. Одним из первых (в 1960 г.) на эту тему заговорил известный литератор и критик Ф. Пероутка, который был арестован гестапо 1 сентября 1939 г. и до отправки в концлагерь, за отказ сотрудничать с немцами, сидел в Панкраце. По его мнению, там можно было тайком написать лишь коротенькое письмо на волю, а не такое безукоризненное произведение, как «Репортаж». В 1967 г. журналистка М. Филипкова усомнилась в героизме Фучика, который при аресте не отстреливался, на допросах не молчал, а давал показания. Но в 1995 г. благодаря историку Франтишеку Яначеку вышло полное, без всяких купюр, сделанных редакторами, издание «Репортажа». Оно подтвердило подлинность и правдивость произведения, героизм его автора, который на допросах хоть и не молчал, но никого не выдал, а пускал гестапо по ложному следу, отводя подозрения от писателей, которым грозила смертельная опасность (С.К. Неймана, И. Ольбрахта, Ф. Галаса и др.)²⁰. В 2008 г. в Праге вышло объемное издание «Репортажа», включившее факсимиле рукописи, массу фотоматериалов, комментариев и сопроводительных статей. Очевидно, что оно было подготовлено с большой любовью и уважением к светлой личности его автора. Однако процесс развенчания Фучика, спекулирующий

вокруг его творчества продолжается, теперь уже, вероятно, из-за его убеждений, веры в социализм, в СССР, в Москву.

Единомышленников Фучика, сохранивших пожизненную верность своим юношеским убеждениям (среди них — В. Незвал, И. Тауфер, М. Пуйманова и др.), можно было бы назвать «пленниками социалистической идеи». Надо сказать, что она не самая плохая из тех, что овладевали умами и сердцами человечества. Существование социалистических партий говорит об ее объективной ценности. Однако Ю. Фучик и его друзья оказались «пленниками социалистической идеи» в ее чрезвычайно противоречивом советском воплощении, из-за чего во второй половине XX века упала ее популярность.

Преданность Фучика этой идее, Москве, Стране Советов может кем-то восприниматься, на фоне нарастающей русофобии, как анахронизм или даже абсурд. Однако его репортажи, если смотреть на них непредвзято, способны напомнить о привлекательности социалистической идеологии и достоинствах страны и народа, которые отважились, увы! — с большими издержками и жертвами — ее воплотить. Что касается антифашистской позиции Юлиуса Фучика, то она весьма актуальна и в наши дни, усиливая противоядие против такого абсолютного зла как фашизм и все его модификации.

Завершая статью, хотелось бы вернуться в 1935 год, в середину пока еще мирного времени, в день отъезда на родину Фучика, закончившего свою деятельность в нашей стране. Его расставание с ней осталось в очерке «До свидания, СССР! Обратный путь», опубликованном в «Творбе» 17 июля 1936 г.:

«Я придумал себе еще одну остановку, чтобы ехать на вокзал через Арбат и по бульвару. Вчера я попрощался с московским метро, погладил взглядом молодые листочки Парка культуры и отдыха, пожал руку Красной площади, но до Арбата не добрался.

До свидания, Арбат!

До свидания, площадь Маяковского!

До свидания, улица Горького!

До свидания, Москва!

Поезд безжалостно набирает скорость. Промелькнул домик стрелочника, его сменило здание Хлебозавода, минутку поколебавшись, исчез и последний московский трамвай, последний московский дом, московская окраина, где проводил я, если повезет, свой “выходной”. Всё осталось позади. Наверное, можно было бы ещё высунуться из окна, увидеть новые фабричные трубы или антенну московской радиостанции. Но как тяжело смотреть назад! [...]

До свидания, Можайск! Ты совсем рядом с Москвой, если едешь туда, а сейчас мне грустно, что я так далеко от неё...»²¹.

Более наглядно, чем когда-то, в 1920-е годы Мария Майерова, но столь же трогательно выразил Ю. Фучик спустя 10 лет свои чувства любви и привязанности к Москве, как бы прочертив сквозную линию отношения к ней многих своих единомышленников.

Юлиус Фучик навсегда простился с Москвой, Москва же с ним не хочет прощаться...

Примечания

¹ Будагова Л.Н. Москва в чешской поэзии и публицистике 1920-х гг. // Россия в глазах славянского мира. М., 2009. С. 129–145.

² Там же.

³ Pfaff Ivan. Česká levice proti Moskvě. Praha, 1993. S. 5.

⁴ Цит. по: Olbracht Ivan. Revoluční ulice // Dobrá zvěst. Z cest za poznáním SSSR ve dvacátých a třicátých letech. Praha, 1987. S. 122.

⁵ Ibid. S. 125.

⁶ Majerová Marie. Den po revoluci. Co jsem viděla v SSSR // Dobrá zvěst. S. 137. Здесь и там, где это не оговорено особо, перевод наш.

⁷ Šmeral Bohumír. Pravda o Sovětském Rusku. Praha, 1920.

⁸ Glanc Tomáš. «Příliš rychle, příliš rychle, příliš silný je ten dojem» (Enthusiasmus a extáze Julia Fučíka v jeho textech o Sovětském Svazu) // Julek Fučík — věčně živý! F.A. Podhajský /Ed./ Brno, 2010. S. 190–191.

⁹ Dobrá zvěst. S. 377.

¹⁰ Fučík Julius. Kam spěchají lidé // Dobrá zvěst. S. 378–380.

¹¹ Grygar Majmír. Nesnesitelná tíha symboliky a víry // Julek Fučík — věčně živý! S. 26.

¹² Fučík Julius. Sedm hodin práce, 50% zvýšení mezd // Dobrá zvěst. S. 382–383.

¹³ Ibid. S. 383.

¹⁴ Sládek Ondřej. Julius Fučík o Sovětském svazu aneb Cesty „tam“ a „zpátky“ // Julius Fučík — věčně živý! S. 201.

¹⁵ Ibid. S. 208.

- ¹⁶ Об утопизме взглядов на советскую действительность ряда представителей чешской «левицы» см. также: *Амелина А.В.* Утопичность восприятия советской России в чешской среде 1920–1930-х гг. (Я. Вайсс, М. Майерова, Ю. Фучик) // *Россия и русский человек в восприятии славянских народов.* М., 2014. С. 307–320.
- ¹⁷ *Sládek O.* Julius Fučík o Sovětském svazu aneb Cesty „tam“ a „zpátky“ // *Julius Fučík — věčně živý!* S. 210.
- ¹⁸ Чешская журналистка и переводчица с немецкого, с 1930 г. член компартии, в 1944 г. погибла в фашистском концлагере Ravensbruck.
- ¹⁹ *Grygar Mojmír.* Nesnesitelná tíha symboliky a víry // *Julek Fučík — věčně živý!* S. 31.
- ²⁰ *Будагова Л.Н.* Литературы западных и южных славян в годы Второй мировой войны. О некоторых новых подходах к проблемам // *Опыт истории — опыт литературы. Вторая мировая война.* М., 2007. С. 10–12.
- ²¹ *Fučík J.* V zemi milované. Reportáže ze Sovětského svazu. Praha, 1954. S. 482–483.